

Прошло уже три недели. Осенний ветер на территории кампуса принёс с собой сухую и холодную резкость, взметая листья на дорожке, словно обрывки разбросанных негативов.

Сяо Минь намеренно избегала мероприятий фотоклуба, и пары на литературном факультете стали её единственным убежищем.

В перерыве между занятиями она сидела у окна и переписывала конспект, однако её взгляд снова и снова устремлялся вдаль, в сторону помещения клуба, где по-прежнему слабо горел свет — словно молчаливое доказательство того, что Сяо Лунь ещё не ушла окончательно.

Закат на углу, где они расстались, силуэт в утреннем тумане на фотографии, те брошенные на прощание слова: «Ладно, береги себя» — всё это ночь за ночью прокручивалось в её голове, выжигая в самом сердце выбеленный добела участок.

Слухи в клубе постепенно утихали, при случайных встречах члены клуба лишь кивали в знак приветствия, не вдаваясь в расспросы. Однако внутренняя пустота лишь росла, и она начала задаваться вопросом: способно ли бегство и в самом деле избавить от страха?

Шагая по аллее после занятий, Сяо Минь шла, опустив голову, а лямки сумки больно впивались в плечи. Однокурсник с литературного факультета, проходя мимо, тихо спросил: — Что-то тебя давно не видно в фотоклубе?

Она выдавила из себя улыбку: — Немного занята.

Ответ вышел невнятным, но он не мог скрыть её смущения.

В ночной тишине комнаты в общежитии настольная лампа освещала одинокую стопку фотографий. На той из них, где она была запечатлена с плакучей ивой на плечах, улыбка уже казалась насмешкой.

Она пыталась перечитывать старые книги, но поэтические строки неизменно сменялись образом Сяо Лунь: очертания короткой стрижки, отрешенный взгляд, нежное движение пальцев, поправляющих прядь волос. Чувства, которые она подавляла три недели, таились на самом дне, точно скрытая в крошечной тьме пленка, ожидающая погружения в проявитель.

Однажды после полудня в почтовом ящике общежития обнаружился тонкий конверт. На нем не было имени отправителя, значилось лишь: Сяо Минь. Её пальцы слегка дрожали, когда она вскрывала его — знакомый почерк сразу бросился в глаза: ровный и четкий, как её композиционные построения.

Бумага была аккуратно сложена, а внутри лежала фотография: тот самый силуэт в утреннем тумане, плакучая ива легко касается плеча, выражение лица спокойное и светлое. На обороте Сяо Лунь оставила карандашную пометку: «Эта ты — моя самая любимая».

У Сяо Минь перехватило дыхание, к горлу подступили слёзы, и она торопливо села за стол, бережно разворачивая письмо.

«Сяо Минь: после расставания я часто вспоминаю наши рассветы. Озеро в тумане, испарение от кофе, тепло протянутой тобой чашки — все эти картины, словно кадры на киноплёнке, бережно сохранены, и их невозможно удалить. Когда в клубе во время занятий меня спрашивали о тебе, я отвечала лишь, что ты занята учебой. Никто не стал докапываться, и сплетни утихли сами собой. Но я понимаю: твой страх возник не на пустом месте — те взгляды, шепотки за спиной служили лишним источником света, мешающим нашей наводке на резкость. Я не держу зла за то, что тебе потребовалось личное пространство. В тот день на перекрестке, когда ты обернулась, я увидела твою борьбу. Любовь должна быть тихой, ей не требуется одобрение извне. Но в реальности всегда полно посторонних бликов, и мне следовало раньше понять твою чувствительность, а не демонстрировать неизменное равнодушие. Все эти дни я прорабатывала старые негативы, пересматривая наш путь: ослепительное солнце при первой встрече, укрытие под общей крышей от дождя, момент признания в классе, соприкосновение пальцев в утренней дымке — каждый кадр отчетлив. Что бы ни случилось, я помню наши рассветы. Это не конец, а лишь пауза. Когда ты будешь готова, объектив всё еще здесь и ждет тебя в кадре. Сяо Лунь».

Дочитав письмо, Сяо Минь оросила слезами края фотографии, и чернила слегка расплылись. Её пальцы нежно коснулись собственного силуэта на снимке — теперь этот жест, когда ветка ивы клонится к плечу, казался ей исполненным бесконечной нежности.

Оказывается, Сяо Лунь тоже вспоминала, тоже в одиночку просматривала плёнку в клубной темной комнате и винила себя за её страхи.

Страх некогда заставлял её бежать, но это письмо, подобно красному фонарю в темной комнате, мягко осветило те уголки её души, что еще не проявились. Любовь вовсе не исчезла, она просто затаилась глубоко внутри, ожидая, когда та наберется храбрости и погрузит её в проявитель.

Ночь становилась глубже. Сяо Минь вытерла слёзы и посмотрела в окно на желтоватый свет уличного фонаря.

Прошло три недели с момента расставания, и она научилась в одиночку справляться со взглядами на дорожках кампуса, с болтовней однокурсниц с литфака и с собственными сомнениями насчет любви. Но слова в письме пробудили нечто большее: за кажущимся равнодушием Сяо Лунь скрывалось истинное дорожение их общим путем.

Она поднялась, выдвинула ящик стола и достала старый фотоаппарат, который Сяо Лунь когда-то давала ей попользоваться. Аппарат был тяжелым, объектив покрылся пылью. Сяо Минь бережно смахнула её и подняла камеру, нацелившись на ночной пейзаж за окном. Палец нажал на спуск, раздался тихий щелчок. Желтоватый свет фонаря мягко расплылся, а тени деревьев легли в кадр причудливым узором.

Это был первый раз, когда она сама нажала на затвор — больше не как объект чужих взглядов перед объективом, а пытаясь стать той, кто ловит свет.

Снимок получился размытым. Она подрегулировала фокус и нажала снова.

Ночной ветер трепетал за окном, уличные фонари вытягивали тени прохожих, и она сделала несколько кадров подряд: спину прохожего, кружащиеся падающие листья, слабый свет вдали из помещения фотоклуба.

Камера перестала быть лишь продолжением Сяо Лунь, превратившись в её собственный инструмент для борьбы со страхом. Следующей мыслью стало желание проявить пробные снимки.

Она аккуратно убрала письмо и фотографии, взяла камеру и направилась в клуб.

Ночь уже вступила в свои права, члены клуба разошлись, и лишь красный свет из темной комнаты нарушал мрак слабым сиянием. Сяо Лунь там не было, и Сяо Минь облегченно выдохнула, привычным движением заправляя фотобумагу. Вода в раковине журчала, и под красным светом творилось настоящее волшебство: на первом снимке проступил силуэт фонаря, на втором — тени деревьев, а третий запечатлел одинокий, но решительный свет из окна клуба.

Бумага медленно проявлялась. Её пальцы слегка дрожали — впервые она видела кадр, построенный ею самой. Несовершенный, но подлинный. Точь-в-точь её сердце, отыскивавшее среди хаоса светлую точку. Закрепив снимок на бельевой веревке, она долго смотрела, как с него скатываются капли воды.

Упомянутый в письме рассвет больше не казался таким далеким, а ожидание Сяо Лунь было подобно этому красному свету, терпеливо оберегающему таинство проявки. Страх исчез не до конца, но бежать больше не имело смысла. Она поняла, что любовь к девушкам — это вовсе не клеймо, а скрытая в сердце пленка, которую нужно смело опустить в проявитель, чтобы увидеть целостный образ.

По дороге обратно в общежитие ночной воздух был чист и свеж, а уличные фонари тянулись бесконечной чередой вдоль аллеи кампуса. Сяо Минь аккуратно сложила письмо и вложила его рядом с дневником, положив утренний туманный снимок и только что сделанный ночной пейзаж рядом.

Зажглась настольная лампа, и она принялась разглядывать проявленный городской пейзаж: там, где было размыто, чувствовался свет, а где четко — таились детали.

Расставание научило её снимать в одиночку, а письмо вернуло им общий путь. Тоска оказалась подобна пленке: лишь после проявки она обретает цельный вид.

Она раскрыла дневник, кончик пера коснулся бумаги, и чернила медленно поплыли, выводя слова: тоска — это пленка, и лишь пройдя проявку, она являет миру целостный образ.

<http://bllate.org/book/21310/2162738>